

I

Ранний ноябрь. Девять утра. В окно бьются синицы. Врезавшись в стекло, некоторые одурело летят прочь, другие падают в свежий снег и барахтаются в нем, силясь подняться на крыло. Ума не приложу, на что в моем доме они положили глаз. Я смотрю в окно на лес. Над спускающимися к воде деревьями красная полоса. Кружит ветер, отпечатывается на воде.

В этом домике на берегу маленького озера, далеко и глубоко на востоке, я теперь живу. В озеро втекает речка. Маленькая речушка, почти пересыхающая к середине лета, но полноводная по весне и осени, в ней даже водятся угри. Я лично поймал не одну рыбину. Устье в нескольких сотнях метров отсюда. Когда с берез облетают все листья, его можно разглядеть в кухонное окно. Вот как сейчас. У реки стоит избушка. С крыльца видно, горит в ней свет или нет. Мне кажется, он постарше меня, мужчина, который там живет. Хотя, может, я просто не осознаю, как сам выгляжу со стороны,

или жизнь ему досталась потруднее моей. Это тоже возможно. У него есть собака, колли.

Посреди двора на шесте кормушка для птиц. По утрам, когда рассветает, я сажусь за стол, пью кофе и гляжу, как они слетаются на корм, трепеща крыльями. Я насчитал восемь разных птичьих пород. Ни в одном месте, где я жил прежде, не встречалось такого разнообразия, но почему-то только синицы бьются об окно. А жил я много где. Теперь вот тут. К рассвету я уж несколько часов как был на ногах. Протопил печь. Послonyaлся по дому. Прочитал вчерашнюю газету, помыл вчерашнюю посуду, там и мыть нечего. Послушал Би-би-си. Радио болтает у меня почти круглые сутки. И я продолжаю слушать новости, все никак не отвыкну. Хотя на что они мне? Говорят, шестьдесят семь — не возраст, разве это годы в наше время, и сам я не ощущаю их груза, бодрюсь. Но я не могу, как раньше, встроить новости в свою жизнь. Они никак не меняют моего взгляда на мир, как то бывало прежде. Возможно, дело в самих нынешних новостях, или в том, как их подают, или в избытке их. В отличие от прочих, в новостях Всемирной службы Би-би-си, которые бывают в эфире рано утром, Норвегия не упоминается ни полусловом, зато здесь освещаются, например, перипетии баталий между такими, скажем, странами, как Ямайка, Индия, Бирма и Пакистан, в таком, предположим, виде спорта, как крикет, которого я никогда не видел вживую и, насколько я могу

загадывать, надеюсь и не увидеть. Но я заметил, что их общая «мама», старушка Англия, всегда бывает бита. А это уже само по себе кое-что.

У меня тоже есть собака. По кличке Лира. Беспородная, насколько я понимаю. Подумаешь, велика важность. Мы с ней уже выходили сегодня, прошлись с фонариком по своей любимой тропинке вдоль озера, покрытого миллиметровой корочкой льда на всю ширь поосеннему безмолвного и желто-жухлого камыша, натканного в мелкой воде по краю, и густой снег бесшумно летел по черному небу, а Лира фыркала от счастья. А теперь свернулась у печки и спит. Снег перестал. Когда день раскочегарится, все потает. Это видно по градуснику. Красный столбик растет на солнце.

Всю свою жизнь я мечтал жить один в таком вот месте. Мечтал даже в самые счастливые моменты. Выпадавшие отнюдь не редко, позволю себе заметить. Нет, правда, так и было. В смысле — счастливые моменты бывали нередко. Мне везло. Но даже в чьих-то объятиях, когда шепчут в ухо слова, которые хочется слушать и слушать без конца, я иногда вдруг чувствовал тоску по уединению, по такому месту, где просто тихо. И хотя могли пройти годы до того, как эта мысль торкнет в голове в следующий раз, это не значит, что меня не тянуло прочь. И вот я здесь. И жизнь идет, ровно как я себе представлял.

Через пару месяцев окончится это тысячелетие. В деревне, к которой я приписан, устро-

ят по этому поводу пальбу и гуляния. Я останусь дома с Лирой, разве что мы спустимся к озеру посмотреть, не треснул ли лед от петард, будет градусов десять мороза, думаю я, луна, ночь, а потом я вернусь домой, подтоплю печь и напьюсь насколько сумею из бутылки, припасенной в шкафу, поставлю старую пластинку, где голос Билли Холидей звучит почти как шепот, он так и запомнился мне по концерту в Колизее в Осло в пятьдесят каком-то году, уже выдохшийся, но по-прежнему завораживающий. Когда пластинка отыграет, я лягу и засну глубоким, мертвецким почти сном, и проснусь в новом тысячелетии, и позволю себе отнестись к этому совершенно бестрепетно. Я радуюсь, что все будет так.

Пока же я коротаю время, приводя все на хуторе в человеческий вид. Заняться есть чем, дом стоил очень дешево. Честно говоря, за него я готов был заплатить дороже, но не с кем было торговаться. Теперь я понял почему. Да ладно. Я доволен. И стараюсь все делать своими руками, хотя мог бы и плотника нанять, я вполне при деньгах, только он бы навел красоту слишком быстро. А я хочу отдать обустройству время. Оно сейчас для меня важная вещь, представляется мне. Я не стремлюсь ни замедлить его, ни ускорить, оно ценно само по себе, я хочу прожить его, хочу наполнять его делами и усилиями, тем самым расставляя вешки и об-

жимая, чтобы я чувствовал время и оно бы не утекало незаметно для меня.

Ночь оказалась с происшествием. Я уже улегся спать, устроился в небольшой каморке рядом с кухней, где я смастерил себе на первое время лежанку под окном, и заснул, на улице было черным-черно и холодно. Это я заметил, когда в последний раз выходил за дом отлить. Я так делаю, потому что сортир здесь пока только уличный. Все равно никто меня не видит — с той стороны лес стеной.

Меня разбудил резкий высокий звук, дважды подряд, потом после паузы — опять. Я сел в кровати, приоткрыл окно и выглянул наружу. В темноте внизу дорожки, у озера, желтел луч фонарика. Звуки, понятно, издавал тот, кто держал его в руках. Но что за звук и как он его извлекает, понятно не было. И точно ли это *он*? Фонарик шарил по сторонам, отчаянно и как-то безнадежно, и на миг высветил растерянное изрезанное морщинам лицо соседа. Во рту он что-то держал, сигару похоже, потом опять раздался тот же звук, и тут я догадался, что это собачий манок, хотя никогда их не видел. А потом он стал звать пса: «Покер, Покер, — кричал он, — иди сюда, мой мальчик», я снова лег и закрыл глаза, хотя знал, что уже не засну.

И очень хотел заснуть. Я последнее время слежу, чтобы положенные часы сна набирались обязательно, не так много часов, но обя-

зательно, они нужны мне не в пример больше прежнего. Хвост бессонной ночи тянется теперь несколько суток кряду, я выпадаю из жизни и мучаюсь раздражением. А у меня нет на это времени. Мне нужна сосредоточенность. Тем не менее — я сел, высунул ноги из-под одеяла, опустил их на пол, в темноте нащупал на спинке стула одежду. Охнул, обжегшись ее холодом. Прошел через кухню в прихожую, натянул на себя старую куртку, взял с полки фонарик и вышел на крыльцо.

Ни зги не видать. Я протянул руку в тамбур и зажег свет снаружи. Стало лучше. Теплая тень от красной стены дома легла на двор.

Везет мне, подумал я. Могу позволить себе провести ночь, помогая соседу отыскать сбежавшего пса, и ничего, день-два — и снова буду как огурчик. Я включил фонарь и побрел вниз, сосед стоял на прежнем месте, на пологом взгорке, и вращал в руке фонарик, так что луч света медленно описывал круг вдоль леса, дороги, реки и снова возвращался к началу. «Покер, Покер!», — кричал сосед и дул в манок, в ночной тишине звук казался противно высоким, а самого соседа, и силуэт, и лицо, скрывала темнота. Я не знал его, я и разговаривал с ним всего пару раз, когда мы с Лирой спозаранку проходили мимо его избушки, и чем я тут ему помогу, лучше пойду вернусь к себе, только он наверняка заметил уже мой фонарик, поздно, к тому же в этой одинокой фигуре в ночи

что-то такое мне вспомнилось. Нехорошо ему быть вот так одному. Неправильно.

— Здравствуйте, — крикнул я тихо, из уважения к тишине вокруг. Он обернулся, и я на секунду ослеп, потому что он направил фонарик мне в глаза, но потом спохватился и отвел его. Я постоял еще, снова привыкая к темноте, потом спустился к нему, и теперь мы стояли рядом, и два луча описывали круг на уровне опущенной руки, и все выглядело не так, как днем. Я свыкся с темнотой. Не помню, чтобы я когда-нибудь ее боялся, хотя наверняка побаивался, но теперь я воспринимаю темноту как простую, безопасную и, важнее всего, прозрачную, что бы она на самом деле в себе ни таила. Потому как всё это не имеет значения. Ничто никогда не сравнится с праздностью и свободой тела, с заданной высотой, с отмеренной дистанцией. В темноте их нет. Она всего лишь огромное пространство, внутри которого можно двигаться.

— Опять сбежал, — сказал мой сосед. — Покер, пес мой. Это с ним бывает. Вообще-то он всегда возвращается. Но разве заснешь, пока его нет? В лесу сейчас волки. И дверь я боюсь закрыть.

Он был озадачен. Я бы сам растерялся, сбегил моя Лира вот так, даже не знаю, что б я делал, наверно, тоже пошел бы ночью ее искать.

— А вы знаете, что колли считаются самыми умными из всех пород? — спросил он.